

У Тамары Дворецкой было два высших образования — педагогическое и инженерное, а трудилась она в колхозе простой дояркой. В прошлом — жительница Санкт-Петербурга, вдова начальника райотдела милиции, во времена перестройки она потеряла работу технолога на текстильной фабрике и решила вернуться в родную деревню, в оставшийся ей по наследству родительский дом. Двухкомнатную квартиру, практически в самом центре северной столицы, в пяти минутах ходьбы от знаменитого Невского проспекта, она оставила повзрослевшему сыну, который обзавелся семьей и пошел по стопам отца, став офицером угрозыска.

Обустроивалась Дворецкая в родных местах очень непросто, даже пожалела, что вернулась. Знания в области текстильной промышленности в дышащем на ладан колхозе ельцинских времен оказались никому не нужны, не нашлось ей работы и в местной школе; начальники от народного образования указали ей на отсутствие педагогического стажа и полной востребованности ее специальности — учительницы французского языка. Имела право она преподавать еще и немецкий, но эти часы в школе были заняты, да и если говорить честно, Дворецкая давно забыла не только немецкий, но и основной

свой язык по вузовскому диплому — французский. Тамара Алексеевна и сама это Прекрасно понимала, ибо владение иностранным языком требует постоянной практики. В итоге, приведя в порядок родительский дом, Дворецкая решила на жизнь не роптать, а пойти работать дояркой. Сын писал и звонил очень редко, но регулярно присылал небольшие денежные переводы. Тамара на него обижалась, но только на словах, в разговорах с подругами, а в душе обиды не было. Она понимала, какая у сына тяжелая работа — преступников милиция ловит без праздников и выходных. Она хорошо помнила, как на этой работе, буквально в срок лет «сгорел» ее бывший муж. Он умер от сердечного приступа прямо за рабочим столом. Дворецкая очень переживала, что сын после армии пошел работать в милицию, всячески отговаривала его, убеждая, что ему, золотому медалисту, прямая дорога в любой вуз, однако сын твердо сказал, что хочет пойти по стопам отца, и начал свою карьеру в милиции сержантом ППС. Затем заочно окончил юридический и перевелся в угрозыск.

После переезда в деревню, через некоторое время, в жизни Дворецкой появился мужчина. С Николаем Кузнецовым, или, как его звали по-деревенски, Колькой Кузеньей, она сидела еще в детстве за школьной партой. После школы Колька даже сватался к Тамаре, а когда она поступила в пединститут в Ленинграде, Кузенья уехал вслед за ней, поступил учиться в строительный техникум, но буквально через месяц попал в этом огромном городе в нехорошую историю. Он возвращался с учебы в общежитие, и в трамвае на ногу Кузене наступила женщина острым каблуком. Боль была такая, что у Кольки вырвалось нецензурное слово «б...», а поскольку Коля был еще и не совсем трезвым — выпил две кружки пива с приятелями-студентами, то донельзя оскорбленная гражданка сдала Кузенью в милицию. Кольку осудили на год за хулиганство, наказание назначили условное, но исключили из техникума. Эта история окончательно расстроила их отношения с Тамарой, ибо она не хотела выходить замуж за пьяного хулигана, и Кузенья с позором вернулся в родные места. Семью он так и не устроил, работал трактористом и жил с родителями, пока они не умерли. Впрочем, жил он неплохо. Отец Кузени всю жизнь работал завхозом, и родительский дом для Кольки был полной чашей. В четырнадцать лет Колька выпросил у родителей двухскоростной мопед и японскую магнитоу, о чем, конечно, не могли даже мечтать другие деревенские дети. В шестнадцать лет Кузене купили великолепный чешский мотоцикл «Ява». Колька к этому возрасту уже потягивал спиртное, и дорогой мотоцикл умудрился разбить через несколько месяцев. Дело было поздней осенью, Колька в модной белой дубленке выехал на ярко-красной «Яве» со двора, набрал приличную скорость, но плохо управляемый на мокром асфальте мотоцикл понесло прямо на придорожный бетонный столб. К счастью, сам Кузенья о столб не ударился, улетел в кусты, а вот мотоцикл буквально переломился на раме, и он обгорел от вспыхнувшего бензобака. Несмотря на это, родители продолжали баловать единственного сына и на восемнадцатилетие уже подарили сыну «Запорожец». Автомобиль продержался у Кузени два года. Как-то Колька поехал с приятелями на ночную рыбалку. Когда они наловили сетью два мешка рыбы и стали варить уху на костре, при этом, конечно, продолжая выпивать, «Запорожец» прямо на глазах всей честной компании скатился с обрыва и, перевернувшись на крышу, исчез в реке. Кузенья просто забыл поставить машину на ручную тормоз. Но больше родители

Кольке никакую технику не покупали, хотя он еще несколько лет после этого просил мотоцикл с коляской.

Когда родители умерли, Кузенья пропил все, что было ими нажито за многие годы, вплоть до постельного белья и посуды. Ел и пил из одноразовых пластмассовых стаканов и таких же коробок от китайской лапши, спал на диване прямо в одежде. Трактористом он уже не работал, попал в глупое ДТП. Угораздило приехать в район какого-то крупного столичного чиновника, лимузин знатного гостя буквально въехал под Колькин трактор. Кузенья в этот день отправился за соляжкой в райцентр и дорожную аварию описывал приятелям так:

— Еду я, мужики, по дороге спокойно, погода отличная, еду и песни пою, уже и заправка показала на въезде в райцентр, как вдруг, чую, моя задница сама по себе вверх поднимается, колеса трактора тоже вверх пошли, а морда моя сама по себе плавно на руль ложится.

— Неужели ты даже удара не почувствовал? — недоумевая, переспрашивали его мужики. — Быть такого не может!

— Ей-Богу, — крестился Колька. — Когда меня этот лимузин сзади догнал и под мой трактор ушел, никакого удара я не ощутил, — только началась с моим телом какая-то цирковая акробатика!

Возможно, Кузенья и не был виновником ДТП, но за руль трактора он сел нетрезвым, а приехавшие на место аварии гаишники сильно Кольку прессовали:

— Ты почему, сукин сын, не пропустил машину с флажковыми номерами!

Разумеется, о существовании блатных «флажковых» номеров Колька ничего не знал, хорошо, что в начальственном лимузине никто не пострадал, но Кузенья получил в жизни еще один условный срок и лишился водительских прав. Восстанавливать он их так и не стал, устроился работать на лесопилку.

Когда Тамара приехала в деревню, Кузенья появился у ее дома в тот же вечер. Коля с трудом сидел на стареньком велосипеде пьяным, грязным, и, постучав в веранду, закричал:

— Тамарка, дай сто рублей!

— Хоть бы поздоровался, — осекла его Дворецкая. — Столько лет не виделись и на тебе, дай сто рублей, — передразнила его Тамара.

— Ну, хоть пятьдесят дай, — сделал жалобную физиономию Кузенья, — не похмелюсь, точно помру!

— Не дам, — твердо отрезала Тамара, — и занимать на выпивку лучше не заходи!

Кузенья уехал, но через полчаса вернулся с бутылкой, Тамара смотрела из окна, как Колька осушил ее прямо из горлышка. Но в дом Кузенья ломиться не стал, охмелев, грузно присел на порог дома и тут же уснул до утра.

На рассвете он еще раз постучался к Тамаре:

— Тамарка, — сказал Кузенья, протягивая невыспавшейся Дворецкой новые зеленые резиновые мужские сапоги, — купи у меня сапоги, хотя бы за полтинник?!

— Ладно, — немного подумав, сказала Тамара и отдала Кузене пятьдесят рублей. Но вечером она заглянула в Колькину избу и поставила сапоги у порога:

— Отдаю назад, — строго сказала Дворецкая, — но с условием, что ты их не продашь. Дурень, в чем ходить будешь?

Колька грустно посмотрел на свои грязные, уже разбитые артритом ноги и виновато ответил:

— Обещаю, не продам.

Кузенья сдержал свое слово, стал приходить в гости к Тамаре трезвым. Однажды Коля зашел к Тамаре после бани, неожиданно принес бутылку молдавского коньяка, и они допоздна засиделись за ужином. Вспоминали детство и юность. Тамара заметила, что Колька может вовсе не материться, а нормально разговаривать. Растрогавшаяся от нахлынувших чувств женщина оставила его на ночь. А утром Кузенья предложил Тамаре стать его женой.

Тамара засмеялась, но, немного подумав, недоверчиво ответила:

— Официально оформлять отношения, конечно, я с тобой не буду. Зачем мне муж-алкоголик? Но мужик в доме нужен. Хочешь, приходи и живи, но только по моим порядкам, а если что не так, сразу выставлю за дверь!

Неожиданная семейная жизнь Коли и Тамары постепенно налаживалась. Дворецкая придела Кузенью в одежду, оставшуюся от покойного мужа-милиционера. Коля стал ходить в чистых рубашках, костюмах и хорошей кожаной обуви. Ничто в нем теперь не выдавало бывшего, опустившегося алкоголика. Пить он не бросил, но от страха перед Тамарой вдруг обнаружил, что пить он может меньше, а главное — способен вовремя остановиться и не тянуть руку к лишнему стакану.

В колхозе зарплату задерживали, бывало, и тогда, но с доярками председатель расплачивался продуктами, работая по бартеру с местным молокозаводом. Тамара приносила с работы молоко, огромные головки сыра, упаковки сливочного масла. За колхозное зерно председатель выменивал муку, крупы, сахар. Так что еда в доме была всегда. Коля и Тамара брали каждый год на откорм телят. Мяса было столько, что фарш на котлеты крутили в большой эмалированный бельевой таз. На лесопилке Кузене хозяин армянин давал ежедневно за трудодень наличными триста-четыреста рублей. Эти деньги шли на спиртное. Тамара тоже стала выпивать, но умеренно, исходя из некоего соображения, чтобы Коле меньше доставалось. Любви между ними никакой уже не было. Они просто были нужны друг другу. Кузенья нуждался в женском обиходе, а Тамара в мужской помощи по дому. Коля копал огород, поливал его, рубил в лесу дрова и колол их на зиму. В отличие от прочих деревенских мужиков руку на Тамару никогда не поднимал. Да и вряд ли у него это бы и получилось. У Дворецкой была крепкая кость, все женщины в их породе были коренастыми и сильными, даже несколько мужиковатыми, и в обиду себя никогда не давали.

Особенно это проявилось в младшей сестре Тамары — Ольге. Она тоже, по примеру сестры, уехала после школы, но не в Ленинград, а в Воронеж, поступила в медучилище на фармацевта. Однако проучилась всего год и неожиданно для всех вышла замуж за аспиранта-англичанина. Он уже закончил учебу, молодые сразу уехали в Лондон. А чуть позже сестра написал Тамаре несколько удивительных писем о своей новой жизни. Муж-англичанин оказался совсем никудышным, он был потомок шотландских аристократов, которые в своей жизни не работали, наверное, уже лет пятьсот! Русской жене пришлось буквально кормить английского мужа. Хорошо, что еще не было у них проблем с жильем, мужу от родителей досталась небольшая двухкомнатная квартира в пригороде Лондона — Гринвиче.

В чужой стране Ольга не нашла никакой достойной работы, кроме как выступать на женских боксерских поединках в лондонских пабах. Вначале ей платили всего пять фунтов за бой. Но от поединка к поединку слава ее в Лондоне росла. Коренастая и крепко сбитая Ольга, не обладая боевой техникой, своими крестьянскими кулаками легко опрокидывала хорошо тренированных и знающих толк в боксе холеных, рослых англичанок. Британки от ее мощных апперкотов легко валились на кафельный пол пивбара под неумные восторги нетрезвых английских мужиков. Скоро русской боксерше стали платить по целой сотне фунтов за один бой. Дальше и вовсе пошли дела удивительные — через несколько лет, освоив английский язык, Ольга, поступила в знаменитую лондонскую Высшую школу экономики, а успешно окончив ее, устроилась брокером в один из знатных аукционных домов Лондона.

А вот в деревенской жизни Дворецкой произошел очередной перелом. Тамара все чаще задерживалась на ферме. Особенно она любила проводить время с телятами. Телятник — самое теплое, чистое и сухое место на ферме. Здесь содержатся телята от рождения до трех месяцев. Дворецкой нравилось, как их любопытные мордашки выглядывают из клеток и дружно мычат, увидев уже знакомую фигуру. Про себя Тамара думала: «Это очень хорошо, значит, телята здоровы и уже проголодались». Она знала, что теленок, как и маленький ребенок, любит заботу и ласку. Особенно ей приглянулся черный теленок с большими глазами, который больше всех радовался ее приходу, ластился в подол своим крутым лбом, смотрел на нее фиалковыми глазами и все время нежно мычал. Она так и прозвала его — Говорунчик. Вскоре Говорунчик превратился во взрослого быка, но Дворецкая любила крупное, сильное, холеное животное еще больше. Ей казалось, что сокрыта в этом особенном быке необычная мужская сила и нежность, чего ей всю жизнь не хватало от своих мужей.

Тамара уже приходила по утрам к быку и обязательно давала животному охапку самого свежего сена.

— Узнал ли ты меня, Говорунчик? — ласково спрашивала она и обнимала тяжелую, шелковую бычью морду. — Любишь ли ты меня, Говорунчик?

А бык в ответ преданно смотрел Тамаре прямо в глаза.

Но благоволил Говорунчик только Тамаре. Нрава бык рос крутого, и его стали побаиваться на ферме. Он бодал неосторожных баранов, бодал коней и даже задирали брехливых деревенских собак. Ходит за ними по деревне, мычит и ногами роет землю.

В одно из воскресений, когда приехала автолавка, бык убежал с фермы и неожиданно появился в толпе покупателей. Настроен был Говорунчик мирно, Тамара хвасталась деревенским бабам дружкой с быком и кормила его у автолавки только что купленным печеньем. В этот момент к Дворецкой подошел Кузенья и стал просить купить ему баклажку пива. День был жаркий. Неожиданно бык ударил подошедшего к Тамаре Кузенью рогами в живот. Стало быть, приревновал. Кузенья только ойкнул и тут же захрипел, а Говорунчик уже катил его рогами по пыльной дороге. Самое удивительное, что никто не испугался: бабы и мужики с воплями лупили Говорунчика кулаками и ногами, быстро отогнали, а окровавленного Кузенью подняли с земли и на этой же автолавке повезли в районную больницу. Умер Колька на больничной койке. Быка закололи на следующий день. После похорон Кузени Дворецкая написала письмо сестре, поведав эту трагическую историю с быком и убитым сожителем. Ответ при-

шел через месяц и неожиданный — сестра позвала ее жить в Англию и просила выслать номер пластиковой карточки, на которую она переведет ей деньги на дорогу. Думала и собиралась Дворецкая недолго. Конечно, никакой пластиковой карточки у нее не было, но сестре она об этом сообщить постеснялась. Но деньги на дорогу нашла — продала по дешевке дом переселенцам из Казахстана. Уехала она тихо, ни с кем не простившись.

ПЕТРУНЯ И ПОРОШОК

Раз в три дня бабка Петруня и Порошок топили печь в избе пластиковыми бутылками. Вонь стояла на всю деревню, даже если ветер дул в противоположную от домов сторону. Петруней 60-летнюю женщину прозвали по отчеству — Петровна, а Порошок — это был ее 28-летний сожитель, алкоголик Алексей Порошков. Заготовкой дров эта странная пара никогда себя не обременяла. Когда топилась печь, Петруня пекла черный, как угли, хлеб из посыпки, которую Порошок крал из колхозной фермы. Воду в дом тоже не носили, брали из ванны, которая стояла под скатом крыши, хотя колонка была всего в десятке метров от дома. Продукты, часто краденые, Петруне и Порошку приносили местные алкоголики. Они же приносили в пятилитровых баклажках спиртосодержащую жидкость «Максимка». Спиртом торговала жена местного милицейского начальника, и бизнес процветал буквально на костях жителей всего района. Алкоголики умирали как мухи. Одна Петруня за десять лет жизни в деревне схоронила пятерых сожителей-алкоголиков. До выхода на пенсию она трудилась грузчицей в одном из северных портов, а заработав себе хорошую льготную пенсию, квартиру в северном городе оставила дочери и вернулась в родные места, в родительскую избу. Дом Петруни представлял из себя некий сельский клуб, в котором ежедневно собирались местные выпивохи.

На возмущение сельских женщин Петруня отвечала вопросом на вопрос:

— А разве я их зову к себе? Они сами идут, и надоели уже!

Когда кончался алкоголь и пенсия, Петруня шла побираться по домам. Приемы попрошайничества у нее были отработаны. Начинала разговор Петруня весело, с прибаутками, с просьбы дать иголку или нитки, потом так забалтывала своих собеседников, что уходила из чужого дома с пакетом сахара, макарон или пачкой чая. Деньги на выпивку занимала. Но ей и давали, поскольку денежные долги Петруня отдавала честно.

Алексея Порошкова она приютила у себя, как только он появился в деревне. К Петруне молодой человек заглянул с компанией местных мужиков, быстро сообразил, что у этой женщины можно на время пристроиться и через день пришел к Петруне с признанием в любви и букетом ноготков, которые собрал на местном кладбище. Молодого жениха она приняла, тем более что на шее у Петруни новоявленный муж сидеть не стал. На работу он устроиться не мог, у Алексея не было даже паспорта, и ходили слухи, что он находится в розыске, но Порошок оказался квалифицированным радиомехаником, чинил со всей округи радиоприемники и телевизоры, да и всю прочую бытовую технику. Заработок приносил сожительнице в виде выпивки и продуктов, но иногда добывал и наличные. Ходил молодой мужчина зимой и летом в телогрейке, китайских спортивных штанах и галошах на босу ногу. Рваные галоши с черными пятками он весело показывал деревенским:

— В них еще пять раз жениться можно!

Однажды Петруня решила фуфайку сожителя постирать и нашла в кармане адрес его матери, которая проживала в Мурманске. Петруня втайне написала родительнице слезливое письмо, соврала про свой возраст, а самое главное, попросила прислать деньги на обзаведение домашним хозяйством, якобы цыплят и поросят молодой семье надо купить. Мать Алексея поверила Петруне, тем более что вестей от пропащего сына не получала уже года три. Пришел денежный перевод на 28 тысяч рублей. В этот же день, с утра, Петруня и Порошок затарились несколькими литрами «Максимки», а часа в четыре дня, когда в деревню, сигналив, приехала автолавка, Петруня скупала всевозможную снедь. Она размахивала купюрами перед деревенскими бабами.

— Марина, — хрипло кричала Петруня продавщице, — ну-ко, давай мне еще пять банок тушенки, «Арсенального» пива три баклажки, карамели три кило, сосисок всю упаковку и «утопленников»!

«Утопленниками» деревенские бабы называли чай в одноразовых пакетиках. Тут же Петруня стала бросать сосиски прямо у автолавки деревенским собакам:

— Собаки, ешьте сосиски, хоть раз в жизни вас Петруня накормит!

Пыльные сосиски мелькали в воздухе и мгновенно исчезали в пасти дворняг. Собаки с лаем кружили возле нее, хватали зубами за юбку и зеленые резиновые сапоги, стояла пыль, свист и ругань баб и мужиков.

Но придя домой с набитыми сумками, Петруня нашла своего молодого сожителя на печке мертвым, буквально в обнимку с изрядно початой баклажкой спирта. То, что он умер, она поняла сразу, увидев его землистое и заострившееся чертами лицо. Сердце Алексея остановилось от беспробудного пьянства. Смерть сожителя не вызвала у Петруни никаких особых эмоций. Она поставила полиэтиленовые сумки посреди избы, взяла спирт из рук покойного Алексея и смачно отхлебнула:

— Не мог меня дожидаться, все сам вылакать хотел...

Хоронили Порошка в гробу из сырого горбыля, в телогрейке и галошах. Получалось, что неожиданный денежный перевод от матери только стубил Порошка. Впрочем, Петруня горевала недолго: дня через три после похорон, у той же автолавки она уже занимала продукты в долг, под расписку. Укоризненно смотревшим на нее бабам коротко бросила:

— Я ему что — насильно спирт в глотку вливала? Умер Максим и хрен с ним!

А еще через несколько дней в доме у Петруни поселился новый сожитель — бывший шахтер и любитель крепко выпить.

ЖУРАВЛЬ У ДОРОГИ

Огромного деревянного журавля на въезде в деревню бывший председатель колхоза «Светлый путь» Тимофей Ильич мастерил целый год. Птица получилась строгих пропорций, ладно и просто скроенной по исполнению и замыслу, высотой с трехэтажный дом, и серебрилась неокрашенным деревом. Колхоз «Светлый путь», несмотря на оптимистическое название, давно приказал долго жить и стоял на берегу Дона с разрушенными коровниками и покосившимися домами. Тимофей Ильич от своего многолетнего председательства никакого богатства не нажил. Даже при разделе колхозного имущества он взял себе только старенький грузовик, который сиротливо стоял у дома на спущенных лысах

шинах, да еще ему доставал велосипед, на котором пожилой человек ездил на рыбалку и в магазин. А вот журавль стал приметой и гордостью всего района. На дивную деревянную птицу приезжали посмотреть даже столичные журналисты. Встречал Тимофей Ильич любознательных деятелей пера так:

— Ты у меня был?

— Нет.

— Ну, тогда заходи.

Вначале журналиста хлебосольный Тимофей Ильич кормил и поил, а после просил с ним спеть под гармонику. Этот популярный инструмент мастер не только коллекционировал всю жизнь, но и сам изготавливал. Сыграв перебор, Тимофей Ильич назидательно замечал:

— Самое сложное — правильно «отковать» у гармоники из латуни го-лоса!

Мастером Тимофей Ильич, конечно, не родился. Большую часть жизни он шоферил, за баранку грузовика сел в голодном сорок седьмом году.

— На фронт я не попал, возрастом не вышел, но знаешь, как я работал после войны? — вопрошал он у журналиста и сам себе отвечал: — По двенадцать часов за баранкой, а еды не было тогда. Положу в карман пригоршню квашеной капусты — на целый день!

Служил Тимофей Ильич в армии на аэродроме, и здесь умелец прославился. Изготовил командиру части ванную из того, что нашел — оцинкованного кровельного железа. Но ванная получилась знатная, двухместная, не хуже чем показывают в американских фильмах. Парился в ней полковник с ветреной прапорщицей-телефонисткой, а рукастого солдата поощрил именными часами и отпуском на родину.

Председателем колхоза выбрали Тимофея Ильича накануне перестройки, он не особенно хотел идти на эту хлопотную должность, ибо уже разменивал шестой десяток жизни. Так хлебнул Тимофей Ильич и оголтелой антиалкогольной кампании, несуразной гласности. Особенно раздражало его слово «мышление» из уст главного перестройщика. Тимофей Ильич на этом слове выключал телевизор, приговаривая:

— Так тебя бы и двинул в лоб, Мишка-меченый.

Он точно знал и чувствовал, что идет к очередной беде — плутовской демократии, окончательно разрушившей колхоз-миллионер.

Особенно было ему обидно, когда заезжий демократический агитатор обозвал Тимофея Ильича «партократом». При этом гость чванливо стоял перед ним и тщательно обрабатывал пилочкой для ногтей свои холеные пальцы.

Смотрел на него председатель растерянным взглядом и вспоминал, как с пятилетнего возраста пас гусей, в девять лет уже самостоятельно запрягал лошадь, а в четырнадцать встал к станку на эвакуированном заводе.

«Какой я тебе, перестроечная шельма, партократ! — вслух подумал Тимофей Ильич. — Ты даже не представляешь, как в жизни работать нужно, у меня с тридцати лет от труда контрактура рук...»

Когда Тимофей Ильич все же вышел на пенсию, то решил окончатель-но посвятить себя любимому занятию — работе по дереву. За этот год бывший председатель успел многое — превратить свой небольшой дом в изящную резную шкатулку, сплошь украшенную балясинами, точенными на списанном токарном станке. А на самом коньке крыши водрузил деревянный самолет, пропеллер которого вращал ветер. Как говорил де-

ревенским мастер, самолет он сделал в память о службе в авиации. По этому неожиданному увлечению, можно сказать, по художественному поводу, у Тимофея Ильича возник небольшой семейный конфликт, когда благоверная в сердцах воскликнула:

— Да замахал ты своими точенками всю семью!

Но Тимофей Ильич не унимался, и следующим творением стал фонтан у дома. С фонтаном вышла и вовсе курьезная история, когда безобидное водометное сооружение вдруг запретил начальник местного ГИБДД. По его уверениям, фонтан отвлекал внимание проезжающих по деревне водителей и создавал аварийную обстановку. Однако Тимофей Ильич обжаловал суровое решение районного гаишника у губернатора области. Высокий начальник уже был наслышан о знаменитом деревянном журавле, и народного умельца принял.

— Начальник ГИБДД утверждает, — серьезно начал разговор губернатор, — что в твоём фонтане рыбы прыгают и водителей на дороге отвлекают.

— Это правда, — согласился Тимофей Ильич. — Но ведь нет такого закона, чтобы фонтан запретить, за воду я исправно плачу.

— Только в толк не возьму, почему у тебя рыбы прыгают? — допытывался губернатор.

— А я воду в фонтане чуть закоротил, — лукаво признался Тимофей Ильич.

— Ладно, — захохотал губернатор, — фонтан я разрешу, но рыбу электричеством больше не бей, а то, выходит, прав гаишник, говорит, что на твоих прыгающих рыб шоферы шеи выворачивают!

Эта радость с разрешением вновь запустить фонтан оказалась последней в жизни Тимофея Ильича. Выходя из кабинета губернатора, он еще не знал, что болен раком. Прожил бывший председатель всего три месяца, саркома развивается быстро. Давно нет в живых народного мастера, а вот его деревянный журавль все так же стоит у дороги на въезде в село, и все так же благодарно вспоминают бывшего председателя его земляки.

ДЯДЯ ЗАПУПЕРЯ

Жил дядя Запуперя в старой бане, дом родной сестре отдал, а что было делать: сестру муж-алкоголик выгнал из городской квартиры с двумя ребятами. А почему его Запуперей по-уличному звали, есть на то своя легенда. Рассказывают, при рождении бабка-повитуха ему каким-то необычным узлом пуп завязала.

Был у Запупери единственный друг — кот Бублик. Много лет они вместе прожили, долгими вечерами на соломенном матрасе лежали и по старенькому радиоприемнику политику слушали. Любил дядя Запуперя политику, а кого политика в деревне интересует? Одного кота Бублика, единственного в деревне трезвого собеседника.

Лет пятнадцать кот Бублик политику Запупери внимательно слушал. Но велик ли век кота? Постарел Бублик и оглох. Решил Запуперя, что негоже коту в этой жизни от старости мучиться, и задумал он Бублика утопить.

Посадил он кота в сетку из-под картошки, взвалил на плечо и пошел на пруд. Бросил он сетку с котом в пруд, смотрит, Бублик в сетке барахтается, и натуральные слезы у кота текут.

Тут сам Запуперя от гора заплакал, вспомнил, как с Бубликом на этот пруд многие годы ходил ротанов ловить, схватил палку на берегу, подцепил сетку с котом и вытащил — пусть Бублик и дальше живет.

Пошел Запуперя к сестре с мокрым котом и рассказал эту трогательную историю. Одобрила сестра Запуперин поступок, хорошей приметой назвала. И как в воду того пруда мудро заглянула, вскорости пришла к одинокому Запупере большая любовь.

Купила дом в деревне круглолицая горожанка Наденька. Дом на внешний вид добротным казался, а вот изнутри гнилым был — месяца не прошло, упали перевод и потолок, чудом Наденьке на голову не обрушились.

Пошла она по деревне мастера искать, зубы у Наденьки золотые, лицо — как луна в полнолуние, словом, по меркам Запупери — просто красавица и мечта всей жизни. Стоит Наденька с сынком Димой перед Запуперей и говорит:

— Дима, давай Ивана Васильевича к себе жить примем, костюм ему купим с галстуком и зубы вставим.

Тут вовсе сомлел Запуперя, ведь по имени-отчеству его никто никогда не называл.

Только сынок Наденькин, Дима, смотрит на Запуперю исподлобья, носом шмыгает:

— А батьку мы куда денем?..

Стал Запуперя Наденькин дом поправлять, потолок поднял, а Наденька уж просит баню поставить и штaketник.

А где стройматериалы взять? Племянник на гараж стройматериалы припас, так пришлось их в дело пустить. Хорошо, что племянник в отъезде был. Строит Запуперя Наденьке баню, а она возьми и загуляй.

Приходит Запуперя к сестре жаловаться:

— Валя, никого так в жизни не любил, увидел — сердце защемило, — со слезами на глазах жалуется Запуперя.

А сестра ситуацию поняла, но решила не вмешиваться, дескать, пусть сам разберется, и говорит брату:

— Ну, что ж, любовь бывает и поздняя.

А Наденька брачное объявление дала. Приехали на это объявление два кавказца, вышли из машины, на Наденьку посмотрели и даже хотели побить:

— На фиг ты с такой рожей объявление даешь? Мы такое расстояние отмахали.

Вернулась Наденька к Запупере, у его бани на майском солнышке лоскутное одеяло расстелила и загорает нагишом.

Смотрела сестра на ее моцион и не выдержала, взяла совковую лопату и давай Наденьку по голой заднице охаживать. Так и убежала нагая Наденька огородами к себе в дом.

Пока Запуперя баню строил, да у племянника стройматериалы таскал, Наденька ему сосиски варила и кисленького самодельного винца наливала. Наварит компот из дичков, да дрожжей добавит. А как Запуперя стройку завершил — любовь закончилась. Ни сосисок, ни винца. Придет, а Наденька на крыльцо замок повесит и двором ходит. А потом строителю сама счет предъявила:

— Я тебе тысячу рублей на штaketник давала, а ты мне его не поставил.

— Мне этой тысячи только на половину досок хватило.

— Это не мое дело, — напирает Наденька. — Взятся — доделывай, или тысячу возвращай. А если нет денег — отдай тележку.

Пришлось тележку отдавать, а тележка на селе — первое дело: воды бак с колонки привезти, дров, перегной.

Увидела сестра, как Запуперя утром дрова на горбу тащит, и говорит: — Ну что, старый дурак, строил-строил Наденьке и еще сам должен остался? Как теперь без тележки жить будешь? Правда, любовь зла. Обула тебя Наденька, зубы в задницу вставила и галстук на мошонку повесила. Говорят, к Наденьке муж вернулся, в отремонтированный тобой дом, и в бане, тобой построенной, теперь парится.

Молчит виновато Запуря, только старого кота, самого верного друга, поглаживает и вновь политику по радиоприемнику слушает.

